

Книга выходит в «Редакции Елены Шубиной» (издательство «АСТ»). Фрагмент публикуется с разрешения издателей.

Мой единственный друг

Третьего июля 1940 года в жизни Георгия Эфрона, более известного под домашним именем Мур (так его называла Цветаева, а вслед за ней и все, кроме разве что школьных учителей), происходит важное событие. В дневнике он впервые переходит на французский. Прежде старался писать по-русски, чтобы адаптироваться к русской советской жизни, ассимилироваться. Даже когда вспоминал Париж, писал по-русски. Внезапный переход на французский – первое отступление от мечты стать своим. И если писал по-французски, то, значит, в этот момент и думал тоже на французском. Иначе не объяснить. Уже на следующий день он вернется к русскому, но первый звоночек прозвенел.

В этот день Мур узнал, что из Башкирии в Москву возвращается Митя Сеземан, что он с бабушкой собирается на подмосковную дачу. Известие взволновало Мура больше, чем недавняя встреча с Иэтой Квитко. Девушкой, на которую Мур имел виды. «Если бы Митя остался в Москве! – восклицает Мур. – Это единственный тип, с которым приятно поговорить по-настоящему. У него свои недостатки, но есть и достоинства, как, например, настоящий ум, замечательные мысли, он очень блестящий, и мне с ним хорошо».

На следующий день Мур позвонил бабушке Мити, она передала трубку только что вернувшемуся внуку – и они договорились встретиться 5 июля в два часа дня на троллейбусной остановке у гостиницы «Москва». Мите надо было ехать из Замоскворечья, Мур, скорее всего, пришел пешком – путь с перекрестка Герцена – Моховой до гостиницы «Москва» недалёкий. «Огромный, белобрысый и голубоглазый Митька» должен был поправиться на башкирском кумысе. Мур немного восстановился после

зимних и весенних болезней. В глазах Цветаевой он был все еще «худым» и «прозрачным», но Мария Белкина в конце июля увидит Мура уже «плотным» блондином. Два высоких мальчика ходили по московским улицам и говорили по-французски. Говорили вполголоса, чтобы на них другие люди не оглядывались. Иностранец в Москве – редкий гость, а у советских людей беседовать по-французски или по-английски тогда не было принято. Андре Жида поразило, как плохо русские молодые люди знают иностранные языки. Ему это пояснили так: «...сейчас нам за границей учиться нечему. Зачем тогда говорить на их языке?» Это было еще в 1936-м. А после нового всплеска шпиономании во время Большого террора люди, публично говорившие на любом европейском языке, вызвали бы подозрение у бдительных москвичей.

Больше всего друзья говорили о литературе. Митя был и старше, и читал много, но Мур превосходил его: «Мне в то же время было бы трудно сказать, что я думаю про Анатоля Франса или про Пруста, а у него было все», – рассказывал Дмитрий Васильевич. Разумеется, мальчики не только говорили «о сравнительных достоинствах романов Арагона и Мориака», но и обсуждали московских девушек. Митя будто бы хвастался, что спал со своей преподавательницей немецкого, и расхваливал ее достоинства: «Брюнетка, шикарная, старик, я тебя уверяю!» Мур завидовал другу, но утешал себя, что у него-то все впереди. Муру еще не исполнилось и шестнадцати лет: «Верно то, что у меня еще много времени впереди и что будут времена, когда я, чорт возьми, буду обнимать и целовать (и т.п.) девушек; и не так долго придется ждать этих сладких времен, oui, monsieur».

Вспоминали Париж и уверяли друг друга, будто там сейчас нечего делать, вовремя уехали. Обсуждали оккупацию Франции, но, в отличие от Ильи Эренбурга, не нахо-

дили в ней пока ничего страшного: «Мы с Митькой много смеялись вчера и испытывали странное чувство: немцы на Елисейских Полях! Не знаю, как это воспринимать: в сущности, ничего особенно трагического в этом факте нет».

Дневник Мура издадут в 2005 году, и Дмитрий Васильевич Сеземан успеет его прочитать, прочитает и письма. Кажется, он был очень-очень удивлен. Особенно поразила его одна фраза из письма Мура, адресованного Елизавете Эфрон. Дмитрий прочитал о себе: «Он мой единственный друг». Это было так не похоже на остроумного, насмешливого Мура, который был холоден даже с матерью: «...ничто не было так чуждо, по моему мнению, натуре Мура, как такие слова – “мой единственный друг”», – скажет Дмитрий Сеземан.

Ясный и острый ум Мура, его беспощадность в суждениях о людях – все это было хорошо известно Дмитрию. Между тем Мур с нетерпением ждал каждой новой встречи с Митей, мечтал о ней, надеялся, что Митя не уедет на дачу, а пойдет с ним в театр или в ресторан. День за днем повторяются фразы:

«Непременно хочу с ним сегодня повидаться».

«Я непременно с ним хочу сегодня встретиться».

«Я буду непременно с ним видеться».

Летом 1940-го и Мур, и Митя искали себе новую школу. Митя собирался в 167-ю, действительно очень хорошую, одну из лучших в Москве. И Мур тут же захотел поступать в 167-ю. Он сам себя убеждает, что хочет там учиться, потому что это одна из лучших школ Москвы, хотя причина в другом: ему хочется быть рядом с Митькой. Пусть они и будут в разных классах, но все-таки под одной крышей, может быть, даже в одну смену будут учиться. План провалился. Митя пошел в школу рабочей молодежи, а Мур как раз в 167-ю, но с Митей они продолжали встречаться по выходным.

Московское мороженое

Если Митя звонил в квартиру на Герцена, 6 (летом 1940-го), или позже на Покровский бульвар, они с Муром встречались снова у гостиницы «Москва», или у метро «Охотный Ряд», или у Музея изящных искусств на улице Кропоткина (Пречистенке), или на улице Горького, около Центрального телеграфа – знаменитого здания с глобусом, обрамленным пшеничными колосьями (гербом Советского Союза). Бастион конструктивизма посреди торжествующего сталинского ампира. Отправлялись гулять. Переходили на четную сторону улицы, где не так давно открылись кафе «Мороженое» и «Коктейль-Холл». Как ни странно, в «Коктейль-Холл» они почти не ходили. А вот кафе-мороженое стало их любимым, почти культовым местом. Они ели мороженое не только в июле – августе, но и осенью, и даже в декабре. Едва ли не при каждой встрече, а они с Митей встречались часто. Обычно – каждые выходные, а бывало, и через день.

«В тот же день мы с Митькой опять жрали мороженое».

«Вчера виделся с Митькой. Ели очередное мороженое».

«В воскресенье с Митькой в кино не пошли, а пошли есть мороженое (все там же – на ул. Горького)».

Золотой век советского мороженого только начинался. Лакомство королей в восемнадцатом веке. Десерт аристократа и буржуа в девятнадцатом. В 1940-м это сладкое для всех – от уличного мальчишки до ведущего артиста МХАТа. Нарком пищевой промышленности Анастас Микоян¹ сделал мороженое, как и шампанское, дешевым и доступным. Фабрика «Главхладпрома» в Филях (крупнейшая, но далеко не единственная в этом тресте)

---

¹ В 1940-м наркомат пищевой промышленности возглавлял уже Василий Зотов, бывший заместитель Микояна, продолжавший его дело. А сам Анастас Иванович руководил наркоматом внешней торговли.

выпускала мороженое тоннами. Производство было уже автоматизированным, руки человека не прикасались к мороженому. В наше время ценят ручной труд, в те времена ценили машинный. Зато сырье натуральное: молоко (в том числе сухое и сгущенное), сливки, яйца, сливочное масло, сахар... На улицах продавали пломбир, эскимо, сливочно-клубничное, ореховое, миндальное, цукатное мороженое, мороженое с карамелью и даже с мятой. Мороженщик «вкладывал круглую вафлю в специальное металлическое приспособление, зачерпывал ложкой мороженое из металлического цилиндра, плавающего во льду, густо, горкой, намазывал его на вафлю и пришлепывал сверху еще одной такой же вафлей». Лидия Либединская вспоминала, что на вафлях были выдавлены имена: «И какая же это была радость, когда тебе вдруг доставалось твое имя!»

У обычного лоточника, торговавшего от «Холодильника номер два имени десятилетия Октября», можно было купить «питательное и исключительно приятное по вкусу фруктово-сливочное мороженое “сандвичи”». Эти «сандвичи» (двухслойное мороженое) были до войны хорошо известны, их производили и другие фабрики. На этих же лотках продавали и «ромовые бутылочки в шоколаде»: бутылочки из шоколада, наполненные ромом или ликерами разных видов. Вкусное мороженое – вовсе не привилегия столичных жителей. На рубеже тридцатых – сороковых это уже обычный десерт даже в небогатой российской провинции. В августе 1941-го в далекой Елабуге Мур будет есть «замечательное медовое мороженое».

И все-таки самое лучшее мороженое подавали в столичных кафе и ресторанах. У каждого был собственный рецепт. В «Метрополе» заказывали фирменный пломбир с шоколадным соусом и жареным миндалем. На улице Горького подавали мороженое с вином. О вкусе Мур

написал кратко: «Мммм!..» Кафе «Красный мак» на углу Столешникова и Петровки, по свидетельству Юрия Нагибина, «славилось своим трехслойным, высоким, как башня, и невероятно вкусным пломбиром». В это кафе Мур впервые заглянет уже осенью, 15 октября 1940-го, и оценит его так: *plaisirs gastronomiques* – «гастрономические удовольствия».

«И как было прекрасно сидеть в скрещении двух самых оживленных улиц городского центра над башенкой из мороженого, крема и взбитых сливок, глазеть на прохожих, лениво перебрасываться замечаниями о проплывающих мимо красавицах и упиваться своей взрослостью». Это написал не Мур, не Дмитрий Сеземан, а Юрий Нагибин, завсегда́тай «Красного мака». Нагибин вполне мог пересечься в кафе с Муром и Митей. Тем более что парижские мальчишки проводили время примерно так же: разглядывали девушек и дамочек: «Мы с ним (*с Митей*. – С. Б.) глазели на московских женщин и оценивали их качества (чисто парижское занятие)», – замечает Мур. Как видим, не только парижское. Мальчик из обеспеченной московской семьи в предвоенном 1940-м хочет наслаждаться жизнью: носить красивый костюм, пробовать деликатесы в ресторанах, знакомиться с девушками или хотя бы просто любоваться ими.

В ресторанах

Разумеется, советской Москве далеко до Парижа: «...вдоль всей пятикилометровой улицы было не больше дюжины кафе и ресторанов», – рассказывал герой романа Дмитрия Сеземана «В Москве все спокойно» о странных и непривычных для французского и американского читателя советских реалиях. В Париже первые этажи многих зданий полностью отданы под кафе, бистро, рестораны

и магазины. И обедать в ресторане – дело обычное. Мур вспоминал эту парижскую жизнь, когда сочинял свои «Записки парижанина»: кафе «битком набиты посетителями: приближался час вечернего аперитива, после которого становится веселее и который должен «протолкнуть» предстоящий обед. Впрочем, после обеда люди опять шли в кафе – на этот раз аперитив должен был «помогать пищеварению». Некоторые уже начинали дуться в карты, другие довольствовались невинным домино, третьи поглядывали с вожделием на билиард, предвкушая спортивно-виртуозные наслаждения».

После отъезда сестры и бегства отца из Франции Мур отчасти был предоставлен сам себе. Очевидно, уже в тринадцать и уж совершенно точно в четырнадцать лет он стал ходить по ресторанам и кафе. Мальчик выглядел достаточно взрослым, а потому ему не отказывали не только в кофе с пирожными, но и в стаканчике перно, анисовой настойки, что заменила парижанам запрещенный абсент: «...я с наслаждением потягивал холодную зеленоватую жидкость с привкусом аниса, она ударяла в голову; это был хорошо маскированный, но тем не менее сильный алкоголь». Мур прощался с Парижем, который не увидит больше никогда. А Марина Ивановна этому не препятствовала.

Летом 1940-го, когда у Мура появились карманные деньги, он, естественно, вернулся к старой привычке – ходить не только по магазинам, но и по ресторанам. Вернулся к парижскому образу жизни, насколько это было возможно в сталинской Москве.

Регулярно обедать в ресторане – для нормального москвича безумие. Зачем заказывать какой-нибудь шницель по-министерски или тратить деньги на крохотную чашечку кофе или рюмку коньяку, когда можно купить мясо на Смоленском рынке и приготовить домашние котлеты.

Можно купить селедку, безграничная любовь к которой не проходила и не проходит, отварить картошки и приготовить простую, дешевую и вкуснейшую закуску. Обед в московском ресторане для простого человека – событие из ряда вон выходящее. Часть «красивой жизни», или, говоря языком современной социологии, – «престижного потребления».

«В ресторанах, хороших ресторанах, собирались разные люди: инженеры, ученые, артисты, более или менее обеспеченные, с красотками, естественно...» – вспоминала Раиса, сестра писателя Анатолия Рыбакова.

В сталинской Москве рестораны и кафе – для новой элиты (для артистов, преуспевающих писателей и журналистов) и золотой молодежи – детей больших начальников, начальников поменьше, а также и для тщеславных и безбашенных молодых людей, что подражали золотой молодежи. Такие в Москве встречались, и называли их уже тогда пижонами: «На соседнем столике над синим огоньком спиртовки возвышался кофейник, и два пижона потягивали из крошечных чашечек кофе с ликером» (Анатолий Рыбаков «Дети Арбата»).

Мур и Митя, несомненно, и были в глазах москвичей настоящими пижонами. Фланировали по Охотному Ряду, по улице Горького, по Страстному, по Гоголевскому и Покровскому бульварам, по Столешникову переулку, по Кузнецкому Мосту и Петровке. Сидели на скамеечке рядом с памятником Пушкину. Болтали по-французски. Москвичи, должно быть, оглядывались на эту странную парочку. Это была своего рода «эмиграция» в далекую Францию, род эскапизма: «Мы, не сговорившись, сделали вдвоем себе мир отдельно, и вот почему мы чаще всего говорили по-французски. Умственная и духовная нейтральная территория, ни он не бывал у нас, ни я. А вот так, в кафе “Артистическое”, или на скамеечке на

Страстном бульваре, или в кино “Центральный”». Дмитрий Васильевич Сеземан говорил об этом шестьдесят с лишним лет спустя. Но вполне ли они это осознавали летом – осенью 1940 года?

Встреча Мура с Митей – это встреча соотечественников. Они чувствовали и понимали друг друга. Вот один из их вечеров – 26 августа 1940-го. Митя позвонил Муру (они с матерью еще жили на Герцена), договорились встретиться в кафе «Мороженое» на улице Горького. А после кафе пошли «обедать» в «Националь»: «Много болтали, смеялись, хорошо поели». Вообще – прекрасно провели время: «У меня деньги есть, и это хорошо – можно покушать. <...> Да, деньги нужно иметь».

Мур и Митя переходили из кафе-мороженого в «Националь», из «Красного мака» в «кафе «Артистик» («Артистическое»), где пили кофе со сливками и ели торт. В одном из ресторанов гостиницы «Москва» заказывали и пиво, в кафе (тоже в «Москве») – кофе с пирожными.

Старинные, с дореволюционным стажем рестораны сохранили свои названия: «Ливорно» на Рождественке, «Савой» на Пушечной, «Националь» на углу Моховой и улицы Горького, «Метрополь» в Театральном проезде, «Прага» на Арбатской площади (до своего временного закрытия). Новые рестораны отличались лапидарностью названий: «Спорт» (на Ленинградском шоссе), ресторан номер пять (на улице Горького) и т. д. Но и там кормили неплохо. Советский общепит тогда не был безликим, по крайней мере, столичный. В 1940 году каждый московский ресторан отличался своей кухней, интерьерами, традициями, музыкой.

Рестораны и кафе предвоенной Москвы сохраняли еще многое от нэпманского и даже дореволюционного шика. Так, ресторан «Аврора» на Петровских линиях, 2, был известен русскими блинами и лучшими

в Москве расстегаями. Юрий Нагибин, большой знаток и любитель «красивой жизни», вспоминал, что «Националь» славился яблочным паем и кофе со сливками, «Метрополь» – бриошами и пончиками, «Артистическое», в проезде Художественного театра, – хворостом и какао. В знаменитом Красном зале «Метрополя» по субботам с пяти часов дня до половины девятого вечера приглашали на five o'clock. «Метрополь» вообще был шикарным рестораном, «с фонтаном, с иностранным оркестром во фраках», – вспоминала советская кинозвезда Татьяна Окуневская. Актеры МХАТа устраивали банкеты в этом великолепном ресторане. Валентин Катаев пишет, что метрдотель «Метрополя» носил смокинг. Помимо фонтанчика, в ресторане был бассейн, «где при свете разноцветных электрических лампочек плавали как бы написанные Матиссом золотые рыбки...»

Парк Горького

Мур и Митя проводили время не только в ресторанах, не только фланировали по бульварам, оценивая московских девушек. Они бывали в парке Горького, самом известном и популярном парке сталинской Москвы.

Бывали они и в саду «Эрмитаж», но этот сад совсем маленький, там особенно не погуляешь. «Эрмитаж» – знаменитая концертная площадка, а не место для прогулок. До Сокольников Мур, кажется, так и не добрался, он слишком был предубежден против этого района. Еще в голицынской школе ему рассказали, будто в Сокольниках много хулиганов. В далеких тогда Измайлове, Филях, Серебряном бору Мур не бывал. Он не любил выезжать за пределы своей Москвы, Москвы Бульварного и Садового колец.

Старинные русские усадьбы, княжеские и графские дворцы, превращенные большевиками в музеи, его все не интересовали. Однажды, в июне 1941 года, за несколько дней до начала войны, Мур с Цветаевой, поэтом Алексеем Крученых и Лидией Толстой (Либединской) поехали в Кусково. Гуляли во дворце-музее, в парке, катались на лодке. Мур только катание на лодке и вспомнил, а музея и чудесного парка Кусково будто не заметил. Это все старая, дореволюционная Россия, которая была так дорога Цветаевой. Но не Муру. Ему нравилось новое, современное. Не русское, а именно советское. А парк Горького был новым советским парком. Он и задумывался как главный парк столицы, как образец для парков культуры и отдыха по всей стране. Одновременно развлекательный и агитационный: «Парк сам по себе очень симпатичный и занимательный», – замечает Мур.

В 1935 году до парка Горького проложили линию метро. Кольцевой станции, облицованной мрамором из Грузии, еще не было, ее построят только после войны. Существовала только радиальная станция. Называлась она длинно и неуклюже – «ЦПКиО имени Горького». Относительно скромная. Пол не гранитный, а еще асфальтовый. Глаз радовали разве что колонны из крымского известняка да люстры (последние не сохранились до наших дней). Летом 1940-го Мур садился на станции «Охотный Ряд» и за несколько минут доезжал до конечной. Переходил реку по новому Крымскому мосту, самому изящному из всех столичных мостов, и оказывался на Крымском Валу, у центрального входа в парк. Самих входов было тогда девять, считая вход в Нескучный сад. Пять из них были на Крымском Валу. Плати тридцать копеек и гуляй хоть от открытия (десять утра) до закрытия (одиннадцать вечера). Для дошкольников – бесплатно, для детей постарше утром и днем тоже бесплатно, а начиная с пяти часов дня –

десять копеек. В общем, недорого. Тут же, неподалеку от входа, можно было взять напрокат солнцезащитные очки, зонтик и даже резиновую подушку. В парке была аллея гамаков. Там трудящиеся могли отдыхать часами. Спать на свежем воздухе. Для рабочего человека – просто рай. Каждый день встаешь в пять или в шесть утра, выдержав давку в трамвае, добираешься до проходной завода. Не дай бог опоздать и попасть под суд (по указу от 26 июня 1940-го). Полный рабочий день у станка с перерывом на обед в рабочей столовой (суп, мясные котлеты из хлеба, компот из сухофруктов сомнительного качества). И снова трамвай, коммунальная квартира, надоевшая жена (для женщины – опостылевший муж). А в парке всего за тридцать копеек – такое блаженство. Но это же было самое скромное из многочисленных удовольствий парка, предназначенное для совсем непритязательных и, как говорили на моем родном Урале, «изробленных» людей. Мур к ним явно не относился. В начале лета 1940-го его печалило отсутствие друзей и денег. Без них и в парке Горького грустно, а без денег и в СССР никуда не пойдешь. Но начиная с июля они гуляют в парке с Митей. Иногда Мур приезжает туда с Цветаевой и с четой Тарасенковых – Анатолием и Марией.

С деньгами в июле – августе дела обстояли не так плохо. Да и цены в парке были умеренные. В среднем советская семья тратила три рубля тридцать копеек, не считая семи рублей на еду. В начале тридцатых в парке работали столовые, к которым выстраивались длинные хвосты очередей. К 1940-му их вытеснят рестораны. Там обедали за белоснежными скатертями, но и цены кусались, конечно. Атракционы стоили от сорока копеек до рубля: колесо обозрения, мертвая петля, мост препятствий, воздушная дорога (род фуникулера). Самым дорогим и самым популярным аттракционом был прыжок с парашютной выш-

ки, внешне напомилавшей конструктивистскую башню Татлина. Он и стоил рубль. Башня сорокаметровая. К ней обычно стояла очередь. Прыгали каждые две минуты. Государство получало двойную выгоду. И деньги в кассу лились рекой, и молодые люди приобретали начальную военную подготовку. В СССР уже были воздушно-десантные войска, они нуждались в подготовленных новобранцах. В парке Горького сдавали нормативы ГТО – «Готов к труду и обороне», там же действовал клуб ворошиловских стрелков.

На этой же вышке был и другой, менее эффектный аттракцион: спиральный спуск. На специальном коврик человек скользил по спиральному спуску от вершины к подножью. Если глядеть на вышку, то спуск покажется экстремальным. Но современники жаловались, что коврик скользил плохо, спуск был очень медленным и не вызывал выброса в кровь ожидаемой дозы адреналина. В отличие от чисто советской вышки, «вагон путешествий» был старым, еще дореволюционным аттракционом: человек забирается в стилизованный железнодорожный вагончик, вместо окна – экран, где ему показывают немое кино с видами России.

К сожалению, мы не знаем, интересовали ли пятнадцатилетнего Мура эти аттракционы. Может быть, он просто бродил по ландышевым аллеям, ел мороженое, слушал духовой оркестр на Пушкинской набережной. Заходил в библиотеку-читальню. Она была примечательной. В парке Горького открылись филиалы Ленинки и Библиотеки иностранной литературы. Заполни анкету, возьми книгу, садись в удобное кресло и читай себе на свежем воздухе. Для удобства посетителей, помимо основной библиотеки, существовали ее отделения в разных частях парка. Куда ни пойдешь, повсюду можешь взять книгу или журнал.

Может быть, Мур из любопытства ходил в городок науки и техники, где читали лекции ученые, полярники (в том числе и легендарные челюскинцы), инженеры-конструкторы.

Если с Муром был Митя Сеземан, любитель музыки и балета, они наверняка направлялись на Пионерский пруд, к Острову танца. Там давал представления Театр на воде. Остров отделял от зрителей «водяной занавес» – стена воды из фонтанных струй. Зрители тем временем собирались на скамьях открытого амфитеатра. Он вмещал семьсот-восемьсот человек, но обычно зрителей было гораздо больше, поэтому многим приходилось стоять все представление. Наконец водяной занавес падал. Сцену Острова танца освещали цветные прожектора, установленные на специальных вышках. Театр на воде ставил и классический балет, и современный, и пантомиму, и танцы народов СССР. Зритель мог увидеть классическую «Жизель» или очень яркий революционный балет «Пламя Парижа», необыкновенно популярный в предвоенной Москве. Зажигательные народные танцы в нарядных костюмах: провансальская фарандола, испанская сарабанда. Парики аристократов, фригийские колпаки революционеров, живописные наряды провансальцев, овернцев, басков, трехцветные республиканские знамена, отважная революционерка Жанна, танцующая с копьем в руке. Вооруженный до зубов кордебалет: танцоры с пиками и ружьями. Звуки революционных боевых песен – «Марсельезы» и «Карманьолы».

Представления Театра на воде были камерными в сравнении с грандиозными постановками на сцене Зеленого театра в Нескучном саду. Этот старейший московский парк, помнивший Прокофия Демидова и Алексея Орлова-Чесменского, считался главным зеленым массивом всего комплекса парка Горького. Зеленый театр

должен был напоминать сцену древнегреческого театра, когда представления давали не для нескольких сотен гурманов, а для населения всего города. Конечно, четыре миллиона москвичей в зрительном зале не разместишь, не разместишь и сто тысяч ежедневных посетителей парка. Но и двадцать тысяч зрителей, а именно столько вмещал Зеленый театр, – просто грандиозно. Представления там давали лучшие советские театры, не только столичные.

Большой театр привез в Парк Горького «Кармен». Московский театр оперетты – «Свадьбу в Малиновке». Харьковский музыкальный театр – «Сорочинскую ярмарку». Это все очень яркие, эффектные представления, которые нравились и простому, неискушенному в театральном искусстве зрителю. Вообще-то театры не очень-то хотели везти в парк Горького свои постановки. Опасались, как бы их театры не потеряли зрителя. Напрасно. Большинство зрителей Зеленого театра увидели «Кармен» впервые в жизни, до этого только слушали арии из оперы по советскому радио. Артистов Большого театра увидели тоже впервые в жизни.

Хотя более привычным и популярным зрелищем был цирк-шапито, где выступали жонглеры, канатоходцы, клоуны, акробаты и, конечно, всеми любимые дрессированные животные: лошади, пони, медведи, попугаи и даже собаки-футболисты.

А ведь для трудящихся существовала еще и база однодневного отдыха. Санаторий на выходной день. Четырехразовое питание (еду хвалили, но жаловались, что порции маленькие). Культурный отдых: слушать лекции, поэтические вечера, ходить на концерты и спектакли. С оздоровительными процедурами, прежде всего – воздушными и солнечными ваннами. Их принимали совершенно голыми – легальный и освященный авторитетом медицины вид нудизма. Базы однодневного отдыха

располагались в самых зеленых и живописных местах: в Нескучном саду и на Ленинских горах. Путевку на од-нодневный отдых можно было приобрести, но обычно их распределяли через профсоюзы для работников столич-ных заводов и контор.

Девушка с веслом

Парк Горького выглядел празднично. Аллеи и площади украшали флаги. Не только красные, но и голубые, жел-тые, оранжевые – да еще разной формы. Это придумали братья Владимир и Георгий Стенберги, известные худож-ники-конструктивисты. Пусть в парке человек чувствует себя как на празднике, а не как на митинге.

Одно время в парке была Аллея ударников: там стояли гипсовые статуи передовиков производства. Но сделаны они были на скорую руку, не нравились даже самим удар-никам. Поэтому неудачные статуи стахановцев-ордено-носцев вскоре убрали, заменив их копиями античных скульптур. Мур не застал ударников, он гулял уже среди копий «Дискобола», «Дианы», «Венеры Милосской». Тоже гипсовых, конечно. Со временем их должны были заме-нить на бронзовые, долговечные. Увы, не успели или не смогли. Большинство статуй парка Горького так и оста-лись гипсовыми или бетонными и со временем разруши-лись, пришли в негодность. Уж и обломков их не оста-лось. А вот бронзовая «Девушка на буме» (или «Девушка на бревне») – статуя гимнастки – и сейчас стоит в парке. Зато «Девушка с веслом», самая знаменитая статуя пар-ка Горького, давно исчезла. Мур, вне всякого сомнения, не мог пройти мимо нее. Стоило войти в парк с централь-ного входа и миновать площадь Ленина, как он попа-дал на Фонтанную площадь – к Фигурному фонтану, где и стояла «парковая богиня грации», как назвал ее Юрий

Нагибин. Мур в 1940-м видел второй вариант скульптуры. Первый оказался столь вызывающе сексуальным, что возмутил посетителей. Хотя нравы в СССР были вовсе не пуританские, обнаженные скульптуры смущали советских мещан.

Ленинградцы привыкли к своим обнаженным кариатидам и к статуям в Летнем саду, «одетым» явно не по погоде. Но вчерашние крестьяне, недавно приехавшие в город, не были готовы к столкновению со столь откровенным искусством. В Свердловске недолго простояла статуя «Освобожденный труд» работы Степана Эрзи, скульптора не менее известного, чем создатель «Девушки с веслом» Иван Шадр. «Освобожденный труд» представлял собой совершенно нагого мужчину из уральского мрамора. Его тут же окрестили «Ванькой голым». Через несколько лет потихоньку убрали с постамента. Слишком раздражал. И неудобно было. Верующие корили: вот большевики-де церкви взрывают, а на их месте ставят голых каменных мужиков. По городской легенде, «Ваньку голого» сбросили в городской пруд. По другой – он еще долго пылился в запасниках музея. В Москве в это же время убрали с Лубянской площади фонтан, чашу которого поддерживали четыре обнаженных юноши. Его привезли как раз в парк Горького, точнее – в Нескучный сад. Но поставили не на видном месте, а спрятали во дворе.

Досталось бедной гипсовой девушке и от рядовых посетителей. Будто бы она напоминала не античную статую, а вполне земную бесстыжую девицу. Советская арткритика порицала Шадра, которому-де не удалось создать «цельного образа советской физкультурницы», хотя куда уж цельнее...

На «девушке» Шадра не было ни лоскутка одежды. Даже Афродита Книдская кажется рядом с нею безна-

дежно закомплексованной женщиной. В отличие от мраморной древнегреческой статуи, советская гипсовая (ее второй вариант – из тонированного бетона) богиня и не пытается прикрыться рукой. Она с гордостью выставляет себя напоказ. Левой рукой она упирается в бедро (поза стервы или бесстыдницы). Громадное весло в руке смотрится не спортивным инвентарем, а фаллическим символом, наследником античного тирса, прообразом шеста стриптизерши.

Потрясенные москвичи писали возмущенные отзывы в книге жалоб и предложений, посылали письма в газеты и в дирекцию парка. «Бесстыжую» первую «Девушку с веслом» увезли на Донбасс, в Луганск (тогда – Ворошиловград). Там она некоторое время стояла в парке, а затем исчезла. В войну или до войны, неизвестно. Только на фотографиях и сохранилась эта великолепная девятиметровая статуя.

Иван Шадр сделал новую скульптуру. Новая «Девушка с веслом» была тоже обнаженной и тоже не стеснялась своей наготы. Она также эффектно демонстрировала свое идеальное тело. Только теперь она напоминала не раздевшуюся физкультурницу, пусть и очень красивую, а настоящую греческую или римскую богиню. Недаром именно богиню увидел в ней умный и начитанный Юрий Нагибин.

Вторую «Девушку с веслом» до войны еще терпели, а позже она куда-то исчезла. По самой распространенной версии, была разрушена в 1941-м при немецкой бомбежке. Согласно другой, «Девушку» убрали после войны, в начале пятидесятых.

Наверное, прав был все-таки Иван Шадр, а не его образованные и малообразованные критики. «Девушка с веслом» исчезла из парка более чем на полвека, но с ее славой до сих пор не сравнится ни одна из статуй

парка. Она стала легендой. Сейчас продают сумки, футболки, свитеры и платья с принтом «Девушка с веслом». Несколько лет назад в парке Горького установили копию «Девушки с веслом», но очень маленькую. И поставили ее не на Фонтанной площади, а на набережной, где она малозаметна.

А накануне войны богиня парка еще стояла посреди Фонтанной площади, мужчины и мальчишки тайком от жен, мам и бабушек с удовольствием ее рассматривали. Статуи античных богов и героев светлели среди деревьев. В парке тогда преобладали липы, березы, голубые ели, пирамидальные тополя, канадские клены, которые считали очень ценными: растут быстрее всех – метр за год. Озеленение спроектировали так, чтобы до середины лета продолжалось цветение. Сначала зацвела черемуха, за ней сирень, жасмин, барбарис, спирея японская. В мае газоны были алыми от многих тысяч тюльпанов. В июне отцветающие тюльпаны заменяли пионами. В розарии парка Горького коллекционировали розы со всего мира. В центре розария стоял фонтан с керамической скульптурой «Мальчик с голубями». Перед войной там было более сорока сортов. В наши дни – только пятнадцать. Но это и неудивительно. Парк Горького давно пережил свой расцвет, он пришелся как раз на предвоенные годы.

Последний карнавал

В конце августа – начале сентября, между ежегодным карнавалом и Международным юношеским днем, в парке устраивалась общегородская выставка цветов. В ней участвовали организации, домоуправления и простые москвичи-цветоводы. Композиции из цветов приносили пионеры – юные натуралисты. Цветовод Бехман своей

грандиозной коллекцией роз конкурировал даже с розарием парка Горького. Академик Емельян Ярославский был постоянным участником этих выставок. Тот самый Ярославский, старый большевик (с 1898 года), обвинитель на судебном процессе барона Унгерна, бессменный председатель Союза воинствующих безбожников. Вдохновитель гонений на церковь, призывавший искоренить даже рождественские елки и церковную музыку (в том числе сочинения Баха и Генделя, в чем его, к счастью, не поддержали). Он был замечательным цветоводом. С 29 августа по 3 сентября 1940 года посетители парка Горького любовались на его «исключительные по красоте флоксы», напоминавшие сирень. Цветы в парке Горького не только радовали глаз, но и агитировали: цветочные портреты Ленина и Сталина не давали забыть, что вы не в каком-нибудь безыдейном парке буржуазной страны. «По вечерам на темно-зеленой стене Нескучного сада» горели слова «великого вождя народов тов. Сталина “Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее”, выписанные гигантскими неоновыми буквами».

«Миллионы цветов...», – вспоминала Бетти Глан, бывший директор парка, в сущности, его создатель. Она начинала стенографисткой у Луначарского. Потом сделала великолепную карьеру в Коминтерне, точнее – в его молодежном отделении – КИМе (Коммунистическом интернационале молодежи). Бетти многие считали американкой. Не только из-за явно англосаксонского имени. Ее деловая хватка, энергия, умение пробивать свои проекты ассоциировались с общепринятым образом американца: делового человека, бизнесмена. А была она не американкой, а еврейкой из Киева, Бетти Наумовной Мандельцвайг. В двадцать семь лет эта девушка стала директором парка. Она была на дружеской ноге со «всесоюзным старостой» Калининым (председателем

Президиума Верховного Совета СССР, формально – первым лицом государства), с наркомом обороны Ворошиловым и еще со многими могущественными людьми. Связи она использовала, чтобы добиться финансирования для парка и освободить его от налогов. Обе задачи были решены блестяще.

Бетти превратила парк Горького в одну из витрин сталинской Москвы. Она умела принимать у себя высоких гостей, знаменитых европейских писателей: Ромена Роллана, Андре Жида, Герберта Уэллса. Автора «Войны миров», старого ловеласа, Бетти пригласила на танец. Танцевать он не стал, но 25 июля 1934 года оставил в книге посетителей свою запись: «Когда я умру для капитализма и воскресну для социализма, я хотел бы, чтобы мое пробуждение состоялось именно в парке культуры и отдыха и, надеюсь, в сопровождении Бетти Глан».

Впрочем, парк культуры и отдыха нравился всем иностранцам. Они могли ругать советскую бюрократию, советскую одежду, архитектуру новой Москвы, но только не этот зеленый цветущий рай. Андре Жид Бетти вряд ли могла очаровать, но и он рассыпался в похвалах. «Я часто туда ходил, – писал Андре Жид. – Это место для развлечений, нечто вроде огромного “Луна-парка”. Ступив за ворота, вы оказываетесь в особом мире. Толпы молодежи, мужчин и женщин. <...> Ни малейшего намека на пошлость, глупый смех, вольную шутку, игривость или даже флирт. Повсюду чувствуется радостное возбуждение. Здесь затеваются игры, чуть дальше – танцы. Обычно всем руководит затейник или затейница, и везде порядок. Но зрителей всегда гораздо больше, чем танцующих. <...> На Москве-реке – бассейны. В огромном парке повсюду небольшие эстрады, с которых вещают импровизированные лекторы. Лекции разные – по истории, географии, сопровождаются наглядными

пособиями». Писателю особенно понравилось, что люди слушают лекции охотно, не скучают и не насмехаются, не расходятся. Еще большим успехом пользовались стихи. Актера, читавшего «Евгения Онегина» с летней эстрады, «в благоговейном молчании» слушали человек пятьсот.

Парк Горького был и парком спортивным, особенно известным своими волейбольными площадками. И Андре Жид с явным удовольствием описывает советских спортсменов – волейболистов и гимнастов. Нашлось зрелище, соответствующее его сексуальным вкусам: «Я не уставал наслаждаться красотой, силой, изяществом игроков».

Бетти Глан привлекала к работе, наверное, всех ведущих архитекторов Советского Союза – от конструктивиста Мельникова до неоклассициста Жолтовского. Жолтовский порекомендует Бетти Глан Александра Власова, который и станет главным архитектором парка Горького. За свой проект он получит Гран-при на выставке в Париже. Проекты, идеи, учреждение новых традиций парка, включая грандиозные карнавалы, завершавшие летний сезон, – все это дело Бетти Глан.

В 1940-м Бетти сидела уже не в кресле директора, а третий год «чалаилась на нарах» советских исправительно-трудовых лагерей. Начал меняться и сам парк. В июне 1940-го случился пожар: сгорели Летний драматический театр и Театр эстрады, в огне погибли коненковские кариатиды. Но перед войной в парке сохранились порядки, заведенные при Бетти Глан, развивались изобретенные ею традиции. Самой яркой был ежегодный летний карнавал. Первый карнавал (в 1935 году) приурочили ко Дню конституции, который отмечался тогда в начале июля. Позднее время карнавала сдвинулось. В 1940-м его будут отмечать 24 августа, за неделю до МЮДа. Это будет последний предвоенный карнавал. Второй карнавал, который мог

увидеть Мур. Карнавал 1939-го он пропустил, тогда они редко выезжали из Болшева. Пропустил и карнавал 1940 года. Он был слишком озабочен подготовкой к школе. С утра поехал сдавать экзамен по французскому языку. Сдал, разумеется, на отлично, о чем и получил справку. Затем поехал в магазин – купил двадцать одну тетрадь для школы. В трамвае встретился с Марией Белкиной. Цветаева купила торт и дыню, так что вечером Мур не пошел на карнавал – остался дома, чтобы просто хорошо поесть.

Многое ли он потерял? Пожалуй, многое, хотя карнавал 1940-го заметно уступал первым карнавалам, которые готовила еще Бетти Глан. При ней было больше креатива, больше выдумки, инициативы. Москвичи давно отвыкли от таких праздников. Масленичные торжества остались в далекой царской России. Поэтому придумали множество разных средств, чтобы расшевелить и раскрепостить москвичей. Бетти Глан создавала молодежные «бригады скорой помощи», которые окружали степенных и скучающих посетителей, забрасывали их конфетти и лентами серпантина, «вовлекали в хороводный круг и общее пение».

Еще за две-три недели до праздника открыли продажу специальных карнаваловых пакетов. В каждом были маска, клоунский колпак, манжеты, нарукавники, бумажный кошелек с конфетти, программа карнавала, листовка с текстами веселых песенок. Человек в маске и клоунском колпаке уже ведет себя по-другому. Он хотя бы ненадолго освобождается из бесконечного круга повседневной жизни, становится настоящим участником карнавала – веселым и безответственным. Но ответственности и серьезности советским гражданам и без того хватало в жизни. Сделать перерыв, отдохнуть, чтобы уже через пару дней вернуться к станку, к верстаку или к письмен-

ному столу. Карнавальный пакет стоил дорого – десять рублей, но за две недели было распродано сто тысяч таких пакетов. Люди хотели веселиться, хотели радоваться жизни. Даже в разгар сталинских пятилеток, в годы лихорадочной подготовки к неизбежной войне вкусно есть, танцевать, веселиться.

Живые люди никогда не превращались в роботов сталинских пятилеток, и начальство, от Бетти Глан до Анастаса Микояна и самого товарища Сталина, это понимало. Вместо ГТО на карнавале сдавали нормы ВО – веселого отдыха. Одевали голые античные статуи в ситцевые платья (не могу поверить, что пожертвовали бы и крепдешиновыми ради каменных дев). Поставили палатку с надписью: «Самый красивый человек карнавала». К ней выстроилась очередь, но входящий видел в палатке только собственное отражение в зеркале. По парку ходили белокурые гадалки: на карнавале, как известно, всё наоборот. И место черноволосых цыганок заняли блондинки из театральных студий. Над садовыми скамейками горели фонари в форме лун и полумесяцев. У Голицынских прудов стояли огромные вращающиеся «ромашки» на шестах: на лепестках были надписи «любит», «не любит». Конечно, было и театрализованное карнавальное шествие, в котором участвовали не только люди, но даже дрессированные животные из цирка. Был концерт, который вел Михаил Гаркави, лучший конферансье Москвы.

Чтобы люди не проголодались, в парке торговали мороженым, булочками, бутербродами в цветных обертках, бутылками лимонада и минеральной воды, пивом (тогда продавали «Бархатное»). Можно было и водки выпить. Бетти Глан обращалась лично к Микояну с просьбой обеспечить парк всем необходимым и помочь организовать торговлю. Микоян был отличным организатором, и отдыхающие ни в чем не знали нужды. Праздновали до

самого утра, расходились, когда уже начинало светать. Многие так и шли по Москве в карнавальных костюмах, разбрасывая по улицам остатки серпантина и конфетти.

Карнавал 1940-го был уже несколько иным. Народу было много, как всегда, хотя билет стоил целых пять рублей. Но праздник был не таким долгим. Всего-то с девяти вечера до половины второго ночи. Недовольные посетители расходились не ранним июльским субботним утром, как на прежних карнавалах, а темной августовской ночью с воскресенья на понедельник. Переход с пятницы на воскресенье был явной ошибкой. Но было и карнавальное шествие с цирковыми артистами на лошадях и верблюдах. И народные гуляния с пивом, водкой и закуской. Концерт вел Николай Смирнов-Сокольский, в то время один из популярнейших эстрадных артистов Москвы. Играл на скрипке Давид Ойстрах, тогда уже всемирно известный музыкант. Клоун Хасан Мусин изображал Чарли Чаплина. В то время Чаплин был настолько популярен, что в редком цирковом представлении не появлялся свой советский «Чаплин». Гремел джаз, пела Регина Лазарева – примадонна столичной оперетты. Иллюминация была такой, что прохожие на Крымском мосту останавливались полюбоваться на сияющую огнями Пушкинскую набережную. Это был последний карнавал предвоенной сталинской Москвы.